

3. Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления // Сов. этнография. 1977. № 3. С. 14–21.

4. Коротун О. В. Образ-концепт «Внешний человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002.

5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997.

6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: проспект / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. словари, 1995.

7. Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / Редкол.: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М.: Индрик, 2003. С. 369–374.

* * *

1. Boguslavskij V. M. Ocenka vneshnosti cheloveka: slovar'. M.: ООО «Izdatel'stvo AST»; Har'kov : «Torsing». 2004.

2. Boguslavskij V.M. Chelovek v zerkale russkoj kul'tury, literatury i jazyka. M., 1994.

3. Kozhanov A. A. Vneshnost' kak faktor jetnicheskogo sopostavlenija // Sov. jetnografija. 1977. № 3. S. 14–21.

4. Korotun O. V. Obraz-koncept «Vneshnij chelovek» v russkoj jazykovej kartine mira: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2002.

5. Kubrjakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. M.: Nauka, 1997.

6. Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka: prospekt / Ju. D. Apresjan, O. Ju. Boguslavskaja, I. B. Levontina, E. V. Uryson; pod obshh. ruk. Ju. D. Apresjana. M.: Rus. slovari, 1995.

7. Rozina R.I. Chelovek i lichnost' v jazyke // Logicheskij analiz jazyka. Izbrannoe. 1988–1995 / Redkol.: N. D. Arutjunova, N. F. Spiridonova. M.: Indrik, 2003. S. 369–374.

Basic aspects of a person's appearance characteristics in the modern Russian language

There are researched the characteristics of a person's appearance as a system of signs that reveal various aspects of existence of a human as a biological and social object. All the variety of appearance descriptions and its components may be divided according to the sign of static and dynamic character. The analysis reveals the basic criteria and parameters that determine the characteristics as this or that type of description.

Key words: *appearance characteristics, component of appearance, static sign, dynamic sign.*

(Статья поступила в редакцию 18.02.2015)

Д.В. ТИМОШИНА
(Самара)

ДИНАМИКА КОРПУСА ЛЕКСИКИ С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *SʏRD- В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

*Рассматривается изменение лексического состава словообразовательного гнезда с этимологическим корнем *sʏrd- в истории русского языка. Устанавливается состав словообразовательных парадигм как существующих в русском языке до настоящего времени, так и утраченных на каком-либо этапе.*

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо, словообразовательная парадигма, история русского языка, диахронический анализ, корень *sʏrd-.*

Лексика с общеславянским корнем *sʏrd- в последнее время находится в поле зрения ученых. В основном она рассматривается в лингвокогнитивном аспекте: исследования описывают содержание концепта «сердце» в русском языке. Этому посвящены работы М.В. Пименовой «Концепт “сердце”. Образ. Понятие. Символ» [6], И.С. Баженовой «Эволюция непрямых номинаций с ключевыми словами “сердце”, “душа”» [1], З.Р. Цривовой «Концепт “сердце” в языковой картине мира» [8].

Меньше внимания было уделено историко-генетическому, сопоставительному и словообразовательному аспектам. Лингвисты обращались к изучению словообразовательных гнезд с корнем -благ- [4], *lei- [5], *vēr- [2] и др., однако корень *sʏrd- не становился объектом подобных исследований.

Неизученность эволюции лексического состава, словообразовательных гнезд с данным корнем в истории русского языка обуславливает актуальность данного исследования: общеславянский корень *sʏrd- был значим для славян, его дериваты участвовали в создании смыслового поля языка.

Цель данной статьи – проследить динамику корпуса лексики с этимологическим корнем *sʏrd- в истории русского языка. В ходе анализа данных исторических словарей, Национального корпуса русского языка был создан корпус лексем с этимологическим корнем *sʏrd-, прослежены состав лексики с этимологическим корнем *sʏrd- на разных этапах развития

русского языка (с XI по XXI в.) и история отдельных словообразовательных гнезд с данным корнем.

В исследуемом корпусе был определен состав лексем старославянского (древнеболгарского) языка (ССЯ), ведь именно он после принятия Русью христианства оказал значительное влияние на формирование собственно русской языковой системы. Затем последовательно рассматривалась лексика традиционно выделяемых синхронических срезов древнерусского языка (ДРЯ, XI–XIV вв.), старорусского языка (СтРЯ, XV–XVII вв.), русского языка XVIII в., XIX в. и современного русского языка (СРЯ, XX–XXI вв.).

В результате проведенного анализа установлено, что лексика с этимологическим корнем *sьrd- достаточно широко представлена в истории русского языка. Все множество слов, восходящих к данному корню, распадается на три группы – лексика с корнем: 1) *sьrd- (-срьд- / -сьрд- / -серд-); 2) *srěd- (-срѣд- / -сред-); 3) *sered- (-серед- / -серед-). Появление этих трех групп лексем, берущих начало у одного корня, позволяет говорить о том, что общеславянское синкретическое существительное *sьrdь, вероятно, в качестве основного имело значение середины, которое в переосмысленном виде позже обусловило появление существительного *sьrdьko с суффиксом -ьk- и дальнейшее словообразовательное развитие корня *sьrd-, с одной стороны, а с другой – появление в связи с южнославянскими и восточнославянскими рефлексамии двух новых фонетических вариантов – корней *srěd- и *sered-.

От века к веку, от одного периода развития языка к последующему состав лексики с этимологическим корнем *sьrd- менялся. В сохранившихся памятниках старославянского языка зафиксировано 23 лексемы, в памятниках древнерусского языка – 71 лексема, в старорусском языке словарями зафиксировано 163 слова, в языке XVIII в. – 121, XIX в. – 164, в современном русском языке – 211. Как видно, к XX в. состав лексики постепенно расширялся; при этом отметим, что до конца XVIII в. отмечается рост количества единиц с корнем *sьrd-, как правило, описывающих внутренний мир человека (его состояние, морально-этические категории, являющиеся ценностными координатами и т.д.), а с XIX в. постепенно увеличивается продуктивность корня *srěd-, вербализующего значение усредненного признака, промежутка и / или центра.

На протяжении всей истории этимологический корень *sьrd- был словообразователь-

но активным. В общей сложности он принял участие в образовании 98 (!) словообразовательных парадигм. В совокупности в истории русского языка выявлены 449 слов с этимологическим корнем *sьrd-, часть из которых отмечена на нескольких синхронических срезах.

В выборке представлены производные, присутствовавшие во все периоды развития русского языка, – это праславянские по своему происхождению существительное *сърдце*, в котором, как отмечает М. Фасмер [7, с. 605–606], еще на раннем этапе произошли десемантизация суффикса и опрощение, и прилагательное *сърдитый*, образованное, как полагает Н.М. Шанский [9, с. 286], посредством суффикса -ит- (ср. *именитый*) от исконого существительного *сърдь* («гнев»), а также старославянизмы *средний*, *среда*, *милосердие*, *сърдцеведец* (*сърдцевед*), *усердие*, *милосердый*, *усердный*, *сърдечный*.

Начиная с XI в. отмечаются также собственно русские производные *средство*, *средний*, *среда*, *сърдобольный* (в процессе употребления лексема изменила свою семантику) и *немилосердие*. Несмотря на то, что данные слова не нашли отражения в словаре старославянского языка, все они (кроме *средний* и *среда*), во-первых, образованы по старославянским словообразовательным моделям, во-вторых, в качестве производящей основы имеют неполногласный корень -сред-, явно маркированный как старославянский. Можно говорить, что генетические славянизмы определенным образом формируют лексическую систему, а вместе с ней – языковую картину мира. «Церковнославянская лексика имеет определяющее значение для формирования и выражения (воспроизведения) русской ментальной и языковой картин мира» [3, с. 24]. Очевидно, что доля слов, присутствовавших на всех временных срезах, невелика – она составила всего 3% от общего числа лексем.

В исследованном материале есть слова, которые зафиксированы только в одном временном пласте: в ДРЯ таких лексем – 3 (*срѣдоложение*, *срѣдьствовати*, *вьсесърдьчьнии*), в СтРЯ – 61 (*ласкосърдно*, *посърдитовати*, *сърдцавидець*, *срѣдочинный*, *срѣдоземлие* и др.), в русском языке XVIII в. – 32 (*разсърживать*, *твердосърдечный*, *насърдка*, *благосърдствовать*, *безпосрѣдственно* и др.), в русском языке XIX в. – 65 (*срѣдоотбѣжный*, *средозимокъ*, *дерзосърдие*, *безсърдый*, *по-середнему* и др.), в СРЯ – 113 (*околосърдечный*, *сърдечишко*, *сърдобольность*, *средостенный*, *усреднение* и др.).

Материалы НКРЯ позволяют говорить о том, что с начала 2000-х гг. появилось 12 лексем, ранее не зафиксированных в лексикографических источниках: *средневысокий* (1 пример, первое упоминание – 2000 г.), *средневысотный* (2 примера, первое упоминание – 2001 г.), *среднедевовский* (2 примера, первое упоминание – 2001 г.), *среднеспелый* (19 примеров, первое упоминание – 2002 г.), *Среднеземье** (10 примеров, первое упоминание – 2002 г.), *среднеполнотный* (7 примеров, первое упоминание – 2003 г.), *среднесрочный* (334 примера, первое упоминание – 2003 г.), *среднесортный* (2 примера, первое упоминание – 2003 г.), *среднепоздний* (6 примеров, первое упоминание – 2003 г.), *среднезимостойкий* (2 примера, первое упоминание – 2003 г.), *среднелистный* (4 примера, первое упоминание – 2003 г.), *среднелитературный* (1 пример, первое упоминание – 2003 г.), *верхне-среднесибирский*** (17 примеров, первое упоминание – 2011 г.).

С X в. до современности функционировало 90 словообразовательных парадигм, образованных композитами с двумя и более корнями. Некоторые из них появились в ССЯ и отмечались на всех временных срезах, другие же функционировали только в одном или нескольких периодах. Количество гнезд композитов можно представить в виде таблицы.

	X–XI	XI–XIV	XV–XVII	XVIII	XIX	XX–XXI
*srĕd-	1	9	15	2	13	44
*sered-	–	1	5	–	2	1
*sʔrd-	6	8	16	16	15	16

С периода ССЯ и до настоящего момента в языке отмечены словообразовательные гнезда с корнями *sʔrd- и -жест- (*жестосърдивъ, жестосъръдъ, жестосърдыи* – ССЯ; *жестосърдыи, жестосърдие, жестосърдивыи* – ДРЯ; *жестосердыи, жестосердие* – СтРЯ; *жестосердие, жестосердый, жестокосердый* и др. – XVIII в.; *жестокосердый, жестокосердие, жестокосердечие* и др. – XIX в.; *жестокосердый, жестокосердие, жестокосердный* – СРЯ), *sʔrd- и -мил- (*милосьрди~, милосьрдь, милосьрдовати* и др. – ССЯ; *милосьрдьство, немилосьрдьство, милосердствие* и др. – ДРЯ; *немилосердыи, милосердие, немилосердьство* и др. – СтРЯ; *милосьрдець, милосердствовать, умилосердиться* и др. – XVIII в.; *немилосердие, мило-*

сердный, милосердовать и др. – XIX в.; *милосьрдие, немилосердие, милосердствовать* и др. – СРЯ), *sʔrd- и -бол- (*срьдоболя* – ССЯ; *срьдობоль, срьдობольство, срьдობольствовати* и др. – ДРЯ; *срьдоболие, срьдობольныи, срьдობольшти* и др. – СтРЯ; *срьдоболие, срьдობольный* – XVIII в.; *срьдობолка, срьдობоленка, срьдობольничать* и др. – XIX в.; *срьдობольность, срьдоболие, срьдობольно* и др. – СРЯ), *sʔrd- и -вед- (*срьдъцевъдъць* – ССЯ; *срьдъцевъдъць, срьдъевъдъць, срьдъцевъдъи* – ДРЯ; *срьдовъдъець, срьдъевъдъець, срьдъцевъдъець* – СтРЯ; *срьдъцевъдъець* – XVIII в.; *срьдъцевъдъець, срьдъцевъдъество, срьдъцевъдъение* – XIX в.; *срьдъцевъдъение, срьдъцевъдъед* – СРЯ).

Заметим, что большинство словообразовательных парадигм не отличается распространенностью – как правило, СГ включают в себя не более шести дериватов. Исключение составляет гнездо, образованное композитами с корнями -срд- и -мил-: ССЯ – 5 дериватов (*милосьрди~, милосьрдь, милосьрдовати, милосьрдьнь, оумилосьрдити сѣ*); ДРЯ – 11 дериватов (*милосьрдыи, безмилосьрди~, милосьрди~, немилосьрдие, милосьрдовати, милосьрдынни; немилосьрдынни, немилосьрдыи, милосьрдьство, немилосьрдьство, милосердствие*); СтРЯ – 11 дериватов (*милосьрдый, милосердо, немилосердыи, милосердие, милосердьство, немилосердьство, немилосердие, милосердовати, милосердынни; милосердно, немилосердно*); XVIII в. – 14 дериватов (*милосьрдый, милосердо, немилосердый, немилосердо, милосердие, милосердець, немилосердие, милосердный, немилосердный, милосердовать, милосердование, милосердствовать, умилосердиться, безмилосердо*); XIX в. – 6 дериватов (*милосьрдый, милосердие, немилосердый, милосердъ, милосердечь, немилосердечь, милосердъ, милосердъчьи*); СРЯ – 6 дериватов (*милосьрдый, милосердие, немилосердие, милосердствовать, милосердный, немилосердный*).

Примечательно, что в древнерусском языке не возникло ни одной словообразовательной парадигмы, которая бы присутствовала на всех синхронических срезах, во всех временных отрезках до настоящего периода. Большинство словообразовательных гнезд с этимологическим корнем *sʔrd- существовало на протяжении одного или нескольких периодов в истории русского языка.

Рассмотрим сначала парадигмы, зафиксированные на нескольких срезах:

а) -вс- и *sʔrd- (X–XIV вв.: *вьсесрьдъ, вьсесрьдъчьи*); -ласк- и *sʔrd- (X–XI, XV–

* Топоним Дж. Р.Р. Толкиена *Middle-earth* в одном из переводов трилогии «Властелин колец».

** Встречается только в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.».

XIX вв.: *ласкръдь* (в данном случае отмечена гаплоглия), *ласкосердыи*, *ласкосердие*, *ласкосердство*, *ласкосердствие* и др.); *syrd- и -лик- (XI–VII, XX–XXI вв.: *сердоликъ*, *сердоличный*, *сердоликовый*); -благ- и *syrd- (XI–XIX вв.: *благосърдыи*, *благосърди~*, *благосердо*, *неблагосердство*, *благосерднѣ* и др.); -добр- и *syrd- (XI–XIX вв.: *добросърдыи*, *добросърди~*, *добросердство*, *добросердечие*, *добросердечный* и др.); -чист- и *syrd- (XI–XIV, XVIII–XXI вв.: *чистосърди~*, *чистосердечие*, *чистосердечный*, *нечистосердечный*, *нечистосердечно* и др.); *syrd- и -вид- (XV–XVII, XIX–XXI вв.: *сердовидецъ*, *сердцевидецъ*, *сердцавидецъ*, *сердцевидный*, *сердцевидка*); -зл- и *syrd- (XV–XIX вв.: *злосердыи*, *злосердие*, *злосердсти*); -слаб- и *syrd- (XV–XVIII вв.: *слабосердыи*, *слабосердие*); -тяжк- и *syrd- (XVIII–XIX вв.: *тяжкосердыи*, *тяжкосердие*); -дерз- и *syrd- (XV–XIX вв.: *дерзосердыи*, *дерзосердие*); *syrd- и -люб- (XV–XVII, XX–XXI вв.: *сердолюбительныи*, *сердолюбие*, *сердолюбивый*); -прост- и *syrd- (XV–XXI вв.: *простосердие*, *простосердечныи*, *простосердечие*, *простосердечность*, *простосердечно* и др.); -тверд- и *syrd- (XVIII–XXI вв.: *твердосердечный*, *твердосердие*, *твердосердый*);

б) *srĕd- и -двор- (X–XIV вв.: *срĕдоудвори~*, *срĕдодвори~*); *srĕd- / *sered- и -хрест- (XI–XVII вв.: *срĕдохръстие*, *срĕдохръстѣныи*, *середохръстие*, *середохръстѣныи*); *srĕd- / *sered- и -век- (XI–XVII, XIX–XXI вв.: *срĕдовѣчѣныи*, *срĕдовѣчи~*, *середовѣчъ*, *средовѣчество*, *средневѣковый* и др.); *srĕd- / *sered- и -крест- (XI–XVII, XIX–XXI вв.: *срĕдокрѣстие*, *срĕдокрѣстѣныи*, *середокрѣстие*, *середокрѣстѣныи*); *srĕd- и -стен- (XI–XVII, XX–XXI вв.: *срĕдостѣни~*, *средостѣнный*); *srĕd- / *sered- и -пост- (XI–XVII, XIX вв.: *срĕдопости~*, *середопостный*, *средопостный*); *srĕd- и -реч- (XI–XVII вв.: *срĕдорѣчи~*, *посредорѣчскій*); *srĕd- и -гов- (XI–XVII вв.: *средоговѣние*); *srĕd- / *sered- и -зим- (XV–XVII, XIX вв.: *середозимье*, *средозимье*, *средозимокъ*); *srĕd- и -зем(л)- (XV–XVIII, XX–XXI вв.: *средѣземлие*, *средоземлие*, *средоземленный*, *средоземный*, *средиземный* и др.); *srĕd- и -месяц- (XV–XVII, XX–XXI вв.: *средѣмѣсячѣ*, *среднемесячный*); *srĕd- / *sered- и -лет- (XV–XVII, XIX вв.: *средолѣтнѣ*, *средолѣтѣ*, *средолѣтокъ*, *средолѣтѣ*); *srĕd- и -я (им)- (XV–XVII, XX–XXI вв.: *средуприяти*, *средоприимный*); *srĕd- и -ток- (XVIII–XXI вв.: *средоточие*, *средоточный*, *средоточность*, *средоточить*, *рассредоточиться*); *srĕd- и -язык- (XIX–XXI вв.: *среднеязычный*).

В двух группах представлены композиты, в которых одним из корней является корень -выс-. С XV до XIX в. он сочетался с корнем *syrd-: *высокосердие*, *высокосердечный*, *высокосердый*; в XX–XXI вв. – только с корнем *srĕd-: *средневысокий*, *средневысотный*. Большинство словообразовательных парадигм, образованных композитами, фиксируются только на одном синхроническом срезе. Далее рассмотрим эти образования в соответствии с хронологией их появления в языке.

XI–XIV вв.: *srĕd- и -лож- (*срĕдоложени~*).

XV–XVII вв.: *srĕd- и -град- (*средоградие*); *srĕd- и -чин- (*средочинный*); *srĕd- и -род- (*средородный*); *srĕd- и -ум- (*средоумный*); *srĕd- и -стой- (*средостояние*); *syrd- и -снад- (*сердцеснѣдыи*).

XVIII в.: -прав- и *syrd- (*неправосердный*).

XIX в.: *srĕd- и -ден- (*средодневие*); *srĕd- и -столп- (*средостолпие*); *srĕd- и -пят-десят- (*средопятдесятица*); *srĕd- и -груд- (*средогрудие*); *srĕd- и -бег- (*средоприбѣжный*, *средоотбѣжный*, *средоубѣжный*); *srĕd- и -сил- (*среднесильный*).

XX–XXI вв.:

а) *srĕd- и -вес- (*средневес*, *среднеवेशенный*); *srĕd- и -герман- (*среднегерманский*); *srĕd- и -зим-стой- (*среднезимостойкий*); *srĕd- и -квалифик- (*среднеквалифицированный*); *srĕd- и -латин- (*среднелатинский*); *srĕd- и -мног-лет- (*среднемноголетний*); *srĕd- и -позд(н)- (*среднепоздний*); *srĕd- и -прогресс- (*среднепрогрессивный*); *srĕd- и -прочн- (*среднепрочный*); *srĕd- и -ран- (*среднеранний*); *srĕd- и -сол- (*среднесоленый*); *srĕd- и -спел- (*среднеспелый*); *srĕd- и -статистик- (*среднестатистический*); *srĕd- и -техник- (*среднетехнический*); *srĕd- и -сых- (*среднеусыхающий*); *srĕd- и -плат- (*среднеоплачиваемый*); *srĕd- и -неб- (*средненебный*); *srĕd- и -литератур- (*среднелитературный*); *srĕd- и -квадрат- (*среднеквадратический*); *srĕd- и -перс- (*среднеперсидский*); *srĕd- и -ассир- (*среднеассирийский*); *srĕd- и -девон- (*среднедевоновский*); *srĕd- и -срок- (*среднесрочный*); *srĕd- и -возраст- (*средневозрастной*); *srĕd- и -калибр- (*среднекалиберный*); *srĕd- и -сорт- (*среднесортный*); *srĕd- и -полн- (*среднеполнотный*); *srĕd- и -сутк- (*среднесуточный*); *srĕd- и -европ- (*среднеевропейский*); *srĕd- и -сибир- (*среднесибирский*, *верхне-среднесибирский*); *srĕd- и -рус- (*среднерусский*); *srĕd- и -азиѣ- (*среднеазиатский*); *srĕd- и -волн- (*средневолновый*); *srĕd- и -год- (*среднегодовой*); *srĕd- и -час- (*среднечасовой*); *srĕd- и -зерн- (*среднезернистый*);

б) *sьrd- и -лист- (*сердцелистный*); *sьrd- и -би- (*сердцебиение*); *sьrd- и -щип- (*сердцеципательный*); *sьrd- и -ед- (*сердцеед, сердцеедка*); *sьrd- и -образ- (*сердцеобразный*); -мягк- и *sьrd- (*мягкосердечный, мягкосердечность, мягкосердечие, мягкосердый, мягкосердие*).

Подводя итоги, скажем, что в истории русского языка лексика с этимологическим корнем *sьrd- представлена очень широко. Практически все слова, появившиеся в старославянском языке, органично вошли в русский язык и стали основой для формирования разветвленных парадигм. Помимо самих лексем русский язык сохраняет и активно использует старославянские словообразовательные модели, по которым образуются наименования отвлеченных понятий, композиты, имена, называющие субъект действия. Л.Б. Карпенко отмечает: «Русский литературный язык продолжает хранить и беречь славянизмы как устойчивые и продуктивные механизмы словообразования и формообразования, как значительную часть своего словаря, морфологии...» [3, с. 23].

Большинство лексем входит в состав композитов, которые и составляют 90 словообразовательных парадигм из 98, зафиксированных в диахронии. Четыре словообразовательных гнезда являются наследием старославянской эпохи и существуют в русском языке до настоящего времени. 28 парадигм функционирует в русском языке на нескольких синхронических срезах, при этом 13 парадигм составляют композиты с корнем *sьrd-, а 15 – композиты с корнями *srěd- / *sered-. 56 гнезд отмечены в языке только одного периода: 7 парадигм с корнем *sьrd- и 49 – с корнем *srěd-. Разветвленность рассмотренных словообразовательных парадигм, их функциональная и семантическая многоплановость свидетельствуют о значимости смыслов, выражаемых данными корнями.

Список литературы

1. Баженова И.С. Эволюция непрямых номинаций с ключевыми словами «сердце», «душа» // Язык в пространстве и времени: тез. и материалы Междунар. науч. конф. 29–30 окт. 2002 г. Ч.1. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002. С. 3–6.
2. Григорьева Н.С. Словообразовательное и семантическое развитие корня *věr- в истории русского языка (на фоне болгарского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
3. Карпенко Л.Б. Ценностный подход к русскому языку: вектор языковой политики // XXX Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянский мир: вера и культура» (Самара, 22–24 мая 2008 г.): материалы Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей истории, языков и культуры славянских наро-

дов / под ред. Л.Б. Карпенко. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С.16–28.

4. Клименко Л.П. Лексика с корнем *благ-* и композиты с компонентом *благо-* в старославянском языке X–XI вв. // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Вып. 1 (3). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 21–30.

5. Колесова И.Е. Процессы функционально-семантической дивергенции лексического состава на примере исторического корневого гнезда с этимологическим корнем *-lei- // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). №2, ч. 2. С. 144–148.

6. Пименова М.В. Концепт «сердце»: Образ. Понятие. Символ. Кемерово: КемГУ, 2007.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.

8. Цримова З.Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира (на материале кабардинского, русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003.

9. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2001.

* * *

1. Bazhenova I.S. Jevoljucija neprjamyh nominacij s ključevymi slovami «serdce», «duša» // Jazyk v prostranstve i vremeni: tez. i materialy Mezhdunar. nauch. konf. 29–30 okt. 2002 g. Ch.1. Samara: Izd-vo SamGPU, 2002. S. 3–6.

2. Grigor'eva N.S. Slovoobrazovatel'noe i semanticheskoe razvitie kornja *věr- v istorii russkogo jazyka (na fone bolgarskogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2013.

3. Karpenko L.B. Cennostnyj podhod k russkomu jazyku: vektor jazykovoj politiki // XXX Kirillo-Mefodievskie chtenija «Slavjanskij mir: vera i kul'tura» (Samara, 22–24 maja 2008 g.): materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. prepodavatelej istorii, jazykov i kul'tury slavjanskij narodov / pod red. L.B. Karpenko. Samara: Izdatel'stvo SNC RAN, 2008. S.16–28.

4. Klimenko L.P. Leksika s kornem *blag-* i kompozity s komponentom *blago-* v staroslavjanskom jazyke X–XI vv. // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Filologija. Vyp. 1 (3). N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2001. S. 21–30.

5. Kolesova I.E. Processy funkcional'no-semanticheskoi divergencii leksicheskogo sostava na primere istoricheskogo kornevogo gnezda s jetimologicheskim kornem *-lei- // Uchenye zapiski Tavricheskogo nac. un-ta im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Filologija. Social'nye kommunikacii». 2011. T. 24 (63). №2, ch. 2. S. 144–148.

6. Pimenova M.V. Koncept «serdce»: Obraz. Ponjatie. Simvol. Kemerovo: KemuGU, 2007.

7. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: Progress, 1987. T. 3.

8. Crimova Z.R. Koncept «serdce» v jazykovej kartine mira (na materiale kabardinskogo, russkogo i anglijskogo jazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nal'chik, 2003.

9. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. M.: Drofa, 2001.

*Dynamics of the lexical structure with the etymologic root *sьrd- in the Russian language history*

*There is considered the change in the lexical structure of the family of words with the etymologic root *sьrd- in the Russian language history. There is determined the structure of word-formative paradigms both existing in the modern Russian language and lost at some stage.*

Key words: family of words, word-formative paradigm, history of the Russian language, diachronic analysis, root *sьrd-.

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

ЮАНЬ ЛИИН
(Санкт-Петербург)

КОНЦЕПТ «ВОСПИТАННОСТЬ» В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Освещаются ход и результаты анкетирования, проведенного среди носителей русского языка с целью выявления составляющих концепта «воспитанность» и последующего отбора для анализа пословичных единиц соответствующей семантики.

Ключевые слова: воспитанность, языковая картина мира, нарушение нравственных норм, критерии, анкетирование, пословица.

Воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, — значит вырастить угрозу для общества.
Теодор Рузвельт

Языковая картина мира как «зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности» [13, с. 9] является отражением окружаю-

щей жизни и менталитета носителей конкретного языка, той призмы, через которую они смотрят в мир. Это делает предельно интересным изучение языкового воплощения системы ценностей, моральных устоев, традиций и установок отдельных народов (Т.М. Воронина, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Й.Л. Вайсгербер и др.).

В. фон Гумбольдт отмечал, что способность оказывать влияние на формирование системы ценностей является общей для всех языков. Различие же составляет своеобразие духовного облика носителей языков, а главное несходство языков состоит «в способах выражения мыслей и чувств» [3, с. 324].

Определенное видение мира отпечатывается и в устойчивых выражениях – образных оборотах речи, пословицах и поговорках. Паремика, в которой пересекаются языковая система и социальный контекст, представляет собой область, где происходит сближение языка и культурных, моральных норм. Пословичные единицы (ПЕ) представляют собой один из наиболее важных кодов культуры – культуры обыденной, передающейся от старших к младшим и отражающей все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка [10, с. 219]. В ПЕ, таким образом, отражается актуальность отдельных фрагментов окружающего мира, обретающих вес в силу причин экстралингвистического характера. Сам отбор концептов, запечатленных метким пословичным словом, – показатель их актуальности для народа. Особый интерес поэто представляет сопоставительное изучение пословичных картин мира, позволяющее установить общее и различное в постижении мира разными народами и его отображении в пословичных фондах.

Интересно взглянуть на ПЕ, к которым человек прибегает в подтверждение своих слов или для опровержения чужого мнения, с точки зрения того, как в них отражаются представления о воспитанности / невоспитанности. Воспитанность как интегрированный показатель сформированного отношения человека к людям, природе, обществу, к себе, предполагающая культуру поведения и общения, этикет, безусловно, играет важную роль в жизни человека. Л. Кассиль писал о проявлениях невоспитанности следующее: «Невежливость, грубость, невоспитанность, наплевательское отношение к удобству окружающих, незнание элементарных правил приличия делаются все